

РУССКАЯ КЛАССИКА

Николай
ГУМИЛЕВ

Стихотворения

Москва

2019

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Г94

Художественное оформление *Натальи Ярусовой*

Гумилев, Николай Степанович.
Г94 Стихотворения / Николай Гумилев. — Москва :
Эксмо, 2019. — 288 с. — (Всемирная литература).

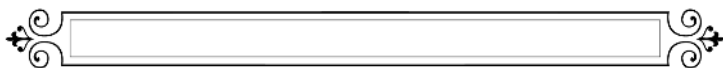
ISBN 978-5-04-100477-4

Николай Гумилев (1886—1921) — яркий представитель литературы Серебряного века, один из основателей школы акмеизма, автор десятка поэтических сборников, мастер слова. Высокий романтизм, искренность, изысканность, глубокий трагизм отличают лирику поэта.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-100477-4

© Новгородова М.И., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ИЗ СБОРНИКА
«ПУТЬ КОНКВИСТАДОРОВ»
(1905)

ПЕСНЯ О ПЕВЦЕ И КОРОЛЕ

Мой замок стоит на утесе крутом
В далеких, туманных горах,
Его я воздвигнул во мраке ночном,
С проклятьем на бледных устах.

В том замке высоком никто не живет,
Лишь я его гордый король,
Да ночью спускается с диких высот
Жестокий, насмешливый тролль.

На дальнем утесе, труслив и смешон,
Он держит коварную речь,
Но чует, что меч для него припасен,
Не знающий жалости меч.

Однажды сидел я в порфире золотой,
Горел мой алмазный венец —
И в дверь постучался певец молодой,
Бездомный, бродячий певец.

Для всех, кто отвагой и силой богат,
Отворены двери дворца;
В пурпуровой зале я слушать был рад
Безумные речи певца.

С красивою арфой он стал недвижим,
Он звякнул дрожащей струной,

И дико промчалась по залам моим
Гармония песни больной.

«Я шел один в ночи беззвездной
В горах с уступа на уступ
И увидел над мрачной бездной,
Как мрамор белый, женский труп.

«Влачились змеи по уступам,
Угрюмый рос чертополох,
И над красивым женским трупом
Бродил безумный скоморох.

«И смерти дивный сон тревожа,
Он бубен потрясал в руке,
Над миром девственного ложа
Плясал в дурацком колпаке.

«Едва звенели колокольца,
Не отдаваясь в горах,
Дешевые сверкали кольца
На узких сморщенных руках.

«Он хохотал, смешной, беззубый,
Скача по сумрачным холмам,
И прижимал больные губы
К холодным девичьим губам.

«И я ушел, унес вопросы,
Смущая ими божество,
Но выше этого утеса
Не видел в мире ничего».

Я долее слушать безумца не мог,
Я поднял сверкающий меч,
Певцу подарил я кровавый цветок
В награду за дерзкую речь.

Цветок зазял на высокой груди,
Красиво горящий багрец...
«Безумный певец, ты мне страшен, уйди».
Но мертвенно бледен певец.

Порвалися струны, протяжно звеня,
Как арфу его я разбил
За то, что он плакать заставил меня,
Властителя гордых могил.

Как прежде в туманах не видно луча,
Как прежде скитается тролль,
Он, бедный, не знает, бояся меча,
Что властный рыдает король.

По-прежнему тих одинокий дворец,
В нем трое, в нем трое всего:
Печальный король, и убитый певец,
И дикая песня его.

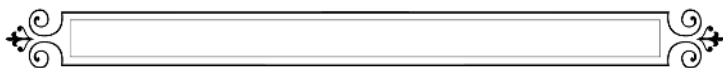
РУСАЛКА

На русалке горит ожерелье
И рубины греховно-красны,
Это странно-печальные сны
Мирового, больного похмелья.
На русалке горит ожерелье
И рубины греховно-красны.

У русалки мерцающий взгляд,
Умирающий взгляд полуночи,
Он блестит, то длинней, то короче,
Когда ветры морские кричат.
У русалки чарующий взгляд,
У русалки печальные очи.

Я люблю ее, деву-ундину,
Озаренную тайной ночной,
Я люблю ее взгляд заревой
И горящие негой рубины...
Потому что я сам из пучины,
Из бездонной пучины морской.

ИЗ СБОРНИКА
«РОМАНТИЧЕСКИЕ ЦВЕТЫ»
(стихи 1903–1907 гг.)

СОНЕТ

Как конквистадор в панцире железном,
Я вышел в путь и весело иду,
То отдыхая в радостном саду,
То наклоняясь к пропастям и безднам.

Порою в небе смутном и беззвездном
Растет туман... но я смеюсь и жду,
И верю, как всегда, в мою звезду,
Я, конквистадор в панцире железном.

И если в этом мире не дано
Нам расковать последнее звено,
Пусть смерть приходит, я зову любую!

Я с нею буду биться до конца,
И, может быть, рукою мертвеца
Я лилию добуду голубую.

Думы

Зачем они ко мне собрались, думы,
Как воры ночью в тихий мрак предместий?
Как коршуны, зловещи и угрюмы,
Зачем жестокой требовали мести?

Ушла надежда, и мечты бежали,
Глаза мои открылись от волненья,
И я читал на призрачной скрижали
Свои слова, дела и помышленья.

За то, что я спокойными очами
Смотрел на уплывающих к победам,
За то, что я горячими губами
Касался губ, которым грех неведом,

За то, что эти руки, эти пальцы
Не знали плуга, были слишком тонки,
За то, что песни, вечные скитальцы,
Томили только, горестны и звонки, —

За всё теперь настало время мести.
Обманный, нежный храм слепцы разрушат,
И думы, воры в тишине предместий,
Как нищего, во тьме меня задушат.

МАСКАРАД

В глухих коридорах и залах пустынных
Сегодня собрались веселые маски,
Сегодня в увитых цветами гостиных
Прошли ураганом безумные пляски.

Бродили с драконами под руку луны,
Китайские вазы метались меж ними,
Был факел горящий и лютя, где струны
Твердили одно непонятное имя.

Мазурки стремительный зов раздавался,
И я танцевал с куртизанкой Содома,
О чем-то грустил я, чему-то смеялся,
И что-то казалось мне странно знакомо.

Молил я подругу: «Сними эту маску,
Ужели во мне не узнала ты брата?
Ты так мне напомнила древнюю сказку,
Которую раз я услышал когда-то.

Для всех ты останешься вечно чужою
И лишь для меня бесконечно знакома,
И верь, от людей и от масок я скрою,
Что знаю тебя я, царица Содома».

Под маской мне слышался смех ее юный.
Но взоры ее не встречались с моими,
Бродили с драконами под руку луны,
Китайские вазы металась меж ними.

Как вдруг под окном, где угрозой пустою
Темнело лицо проплывающей ночи,
Она от меня ускользнула змеею,
И сдернула маску, и глянула в очи.

Я вспомнил, я вспомнил — такие же песни,
Такую же дикую дрожь сладострастья
И ласковый, вкрадчивый шепот: «Воскресни,
Воскресни для жизни, для боли и счастья!»

Я многое понял в тот миг сокровенный,
Но страшную клятву мою не нарушу.
Царица, царица, ты видишь, я пленный,
Возьми мое тело, возьми мою душу!

ВЫБОР

Созидающий башню сорвется.
Будет страшен стремительный лет,
И на дне мирового колодца
Он безумье свое проклянет.

Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И, всевидящим богом оставлен,
Он о муке своей возопит.

А ушедший в ночные пещеры
Или к заводам тихой реки
Повстречает свирепой пантеры
Наводящие ужас зрочки.

Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право —
Самому выбирать свою смерть.

Умный дьявол

Мой старый друг, мой верный Дьявол,
Пропел мне песенку одну:
«Всю ночь моряк в пучине плавал,
А на заре пошел ко дну.

Кругом вставали волны-стены,
Спадали, вспенивались вновь,
Пред ним неслась, белее пены,
Его великая любовь.

Он слышал зов, когда он плавал:
«О, верь мне, я не обману»...
Но помни, — молвил умный Дьявол, —
Он на заре пошел ко дну».

ПРИНЦЕССА

В темных покрывалах летней ночи
Заблудилась юная принцесса.
Плачущей нашел ее рабочий,
Что работал в самой чаше леса.

Он отвел ее в свою избушку,
Угостил лепешкой с горьким салом,
Подложил под голову подушку
И закутал ноги одеялом.

Сам заснул в углу далеком сладко,
Стало тихо тишиной виденья,
Пламенем мелькающим лампадка
Освещала только часть строенья.

Неужели это только тряпки,
Жалкие, ненужные отбросы,
Кроличьи засушенные лапки,
Брошенные на пол папиросы?

Почему же ей ее томленья
Кажется мучительно знакомо,
И ей шепчут грязные поленья,
Что она теперь лишь вправду дома?